

Элиша Саливон

Университет Штутгарта (Германия)

Аспирант, Университет Штутгарта (Германия)

e-mail: oleksiysalivon@yahoo.de

ID ORCID: 0000-0002-1995-1856

DOI: 10.31168/2658-3364.2018.1.5.3

Гольдин С. Русская армия и евреи. 1914–1917

М.: Мосты культуры/Гешарим, 2018, 448 с.

В своей новой книге известный израильский историк Семен Гольдин всесторонне рассматривает проблему отношения русских военных властей к еврейскому населению прифронтовых провинций Российской империи, а также территорий, захваченных русской армией в ходе боевых действий в 1914–1917 гг. Одной из удачных особенностей книги является тот факт, что автор не ограничивается только военными властями и предлагает читателю комплексную картину заключительного этапа существования Российской империи и ее политики по отношению к евреям. Он использует материалы, касающиеся иных, действовавших параллельно военным, государственных гражданских и общественных структур империи (Совет министров, Государственная Дума и другие).

Рецензируемая книга состоит из семи глав, каждая из которых является вполне самостоятельным научным исследованием и открывает новые грани сложного процесса взаимоотношения российской императорской армии и евреев Центральной и Восточной Европы. Она является новым важным исследованием, которое предлагает взглянуть на проблему отчуждения еврейского населения от существовавшего порядка в императорской России.

Даже будучи российскими подданными, евреи в зоне боевых действий пребывали в ожидании погромов и произвола со стороны военных властей. Как показывают приведенные архивные данные, депортации и насилие, прямой грабеж и убийства могли настичь любого, вне зависимости от пола, возраста и социального положения.

Гольдин предоставил убедительные доказательства того, что политика руководства российской армии во время Первой мировой войны, равно как и предпринятые военные меры (по отношению к якобы нелояльному еврейскому населению и в тылу, и в зоне боевых действий, имевшему как

российское подданство, так и подданство государств-противников), привели к значительному ухудшению положения империи в целом [Гольдин 2018, 388].

Даже если оставить без внимания колоссальный и трудно поддающийся анализу уровень физического и психологического насилия по отношению к незащищенному гражданскому еврейскому населению на широкой полосе боевых действий и в тылу фронта (включая внесудебные расправы, убийства), то, как указывает автор, прямой и непосредственный ущерб был нанесен нормальному функционированию тыла армии, финансовой системе империи и ее международному положению, армейской дисциплине и нормальному управлению войсками. Очевидным был и урон, нанесенный самой идее и престижу государственной власти, теряющей монополию на насилие.

Автор выдвигает обоснованное предположение, что российское армейское руководство ставило перед собой двойную цель. С одной стороны, армейские интересы, какими они представлялись высшим военным чинам, требовали обеспечения лояльности со стороны еврейского населения в зоне боевых действий. Это касалось как довоенных провинций собственно Российской империи, так и захваченных в начальный период войны территорий.

С другой стороны, пропитанное вирусом антисемитизма высшее военное руководство империи, включая Ставку Верховного Главнокомандующего, относилось к евреям в лучшем случае как к потенциально нелояльной этнической группе приграничного населения. Зачастую евреи воспринимались как группа, заведомо враждебная и представляющая прямую опасность российской империи и ее вооруженным силам, их рассматривали в качестве тайных агентов стран-противников. Автор, анализируя ограничительные меры, введенные армейскими властями, констатирует, что они не помогли навести порядок и создать спокойствие в тылу, не помогли усилить военный потенциал империи, а, наоборот, способствовали ее ослаблению.

Первая глава «Русская армия в начале XX века» посвящена положению армии в империи. Здесь автор отвечает на вопрос, можно ли считать, что предвоенная Россия была казарменным государством, в котором военные круги были доминирующим элементом в обществе. Гольдин (вслед за В. Фуллером) полагает, что бюрократическая машина империи в лице ее гражданских властей использовала армию в качестве удобного инструмента для решения задач поддержания внутреннего порядка на просторах страны [Гольдин 2018, 55].

Армия в таком случае представляла собой ценный силовой ресурс различных министерств и ведомств, который привлекался для решения задач, превосходящих возможности гражданских властей. В то же время в государственной системе армия находилась в особом положении, благодаря ее исторической связи с императорским домом. Как указывает Гольдин,

«русские правители смотрели на армию как на собственность, на офицеров – как на личных вассалов» [Там же].

Таким образом, еще до Первой мировой войны существовало противоречие между гражданскими и военными властями: последние считали своей главной задачей поддержание готовности армии к войне и защите государства от внешних врагов, а не участие в подавлении проявлений внутреннего недовольства в стране. К этому следует прибавить гетерогенность офицерского корпуса, его отстраненность от политики и в целом отсутствие престижа военной службы в российском обществе в рассматриваемый период [Гольдин 2018, 56].

В такой непростой системе взаимоотношений военная служба для евреев усложнялась царящим в армии духом антисемитизма, распространенного в том числе среди высшего офицерства. Влияние крайне правых антисемитских кругов российского общества находило отклик в армейской среде, что вкупе с сильными антиеврейскими настроениями бюрократического аппарата и самого Николая II привело перед самым началом Первой мировой войны к появлению планов вообще отказаться от набора еврейских призывников на военную службу [Гольдин 2018, 45].

Автор подробно и четко описывает хронологию военных действий и изменения структуры управления в армии в ходе войны. Ему удалось в доступной и ясной форме представить необходимые данные о главных действующих лицах на фронтах, об их отношении к еврейскому вопросу и его последствиях как на уровне управления армией или фронтом, так и в реализации антиеврейских решений на местах.

Во второй главе автор показывает, как императорская армия обрела новые для себя полномочия в сфере гражданского управления в районах боевых действий и тыла. Еврейское население в этих районах было многочисленно, фактически война велась вдоль всей черты оседлости. Таким образом, территория черты попала под военное управление или испытала существенное влияние в управлении со стороны армии.

Особенностью данного периода в целом, как верно указывает автор, стал перманентный конфликт между военными и гражданскими властями империи. Ставка Верховного Главнокомандующего фактически бросила вызов Совету Министров как в сфере управления, так и в принятии политических решений. Борьба между двумя государственными органами пронизывала всю систему управления, импульсы ее передавались вниз по иерархической лестнице: до губернаторов и командующих армиями и далее – вплоть до администрации отдельных населенных пунктов. Управленческая неразбериха в условиях военного времени открывала путь к анархии, нарушению закона и открытому насилию по отношению к гражданскому населению. Антиеврейские действия хорошо вписываются в контекст антисемитских настроений в среде военных, соотносятся с их стремлением обрести пол-

ноту власти на местах и одновременно с неумением вести дела в сфере гражданского управления.

В последующих трех главах – «Русское командование и негативный образ еврея», «Депортация населения и взятие заложников» и «Органы военной власти и евреи» – автор досконально прослеживает механизм формирования политики военных властей по отношению к евреям. Сопутствующий начальному периоду войны успех на австро-венгерском направлении сменился отступлением русской армии на всем протяжении европейского театра военных действий.

Уже в первый год войны составлялись опросники с целью выявить истинное отношение еврейских солдат к войне и военной службе. Разработанные под влиянием широко распространенных в военной среде идей антисемитизма, эти документы дополнительно способствовали усилению антисемитских представлений и стереотипов. Одновременно в германской армии, как верно указано Гольдиным, также же происходили сходные антисемитские процессы¹.

Командование русской армии укреплялось в своем негативном отношении к евреям, что на практике приводило к вполне конкретным антиеврейским мерам. В указанных главах автор, привлекая архивные документы и воспоминания царских офицеров и чиновников, весьма ярко показывает, каким образом атмосфера неприязни и отторжения привела к порочной практике взятия заложников из собственного еврейского населения и попыток массового выселения евреев из некоторых областей и губерний [Гольдин 2018, 202].

Здесь же показана роль высшего военного командования в исполнении антиеврейских решений, подробно рассмотрена роль личности, облеченной военной властью, и то, каким образом такой человек был вовлечен не только в непосредственные военные операции, но и в «войну» армии против собственного мирного еврейского населения. Абсурдные обвинения евреев в шпионаже в пользу противника, в актах саботажа и диверсий, а то и в экономическом бойкоте нужд армии множились и росли как снежный ком вслед за каждым новым поражением армии, которая видела причину неудач в происках внутренних врагов и некомпетентности гражданского управления (якобы саботирующего важные армейские распоряжения).

Значительная часть книги посвящена выяснению отношения к евреям со стороны нижних чинов армии (будь то пехотные или казацкие части), которые зачастую и были теми непосредственными преступниками, чинившими расправу и насилие над евреями по своему усмотрению уже с первых

¹ В качестве ответа на антисемитские измышления немецкого военного командования в послевоенной Германии вышла книга Якова Сегалла, в которой опровергаются бытовавшие в рассматриваемый период антисемитские представления об уклонении немецких евреев от службы в военное время. См.: [Segall 1921].

дней войны. Следуя общему намерению высшего командования обезопасить тыл армии путем выселений, взятия заложников и прочих подобных мер, отдельные чины и целые подразделения проявляли жестокость по отношению к евреям, а ргоіг считавшимся потенциальными предателями.

Каким образом совершались эти преступления и нарушения распоряжений высшего руководства о недопустимости насилий и грабежей местного населения, как такие инциденты фиксировались и какова была реакция еврейского населения на них – автор скрупулезно рассматривает на основе архивных данных в контексте общей атмосферы войны, управленческой неразберихи и (зачастую) произвола командиров отдельных подразделений.

В главе «Органы военной власти и евреи» автор анализирует, каким образом обвинения, выдвигаемые против евреев, становились объектом внимания военной контрразведки и судопроизводства. Он показывает, насколько предпринимаемые военными властями антиеврейские меры просто прикрывали неспособность армейской контрразведки противостоять реальному шпионажу, насаждая чувство повсеместного присутствия германских агентов. Цель, поставленная военными властями, – при помощи высылки, сфабрикованных обвинений в шпионаже и насилия избавиться от евреев в приграничных областях, – не была достигнута, и еврейское присутствие сохранялось в районах военных действий и прифронтовой полосе.

Автор неоднократно отмечает, что политика властей по отношению к евреям была частью общей политики по отношению к другим этническим группам, признанным потенциально нелояльными к империи. Таково было отношение к немцам и представления о «немецком засилье» [Гольдин 2018, 263]. Семен Гольдин верно указывает, что политика высшего командного состава легитимизировала насилие по отношению к еврейскому населению с первого года войны. Евреи (как солдаты действующей армии, так и гражданские лица) превратились в группу потенциальных дезертиров, предателей и тайных шпионов, что стало практически официальной армейской позицией.

Автор убедительно доказывает, что существовало две составляющих проявленного насилия по отношению к евреям: это были либо полностью основанные на местной военной инициативе погромы, грабежи, убийства и изнасилования (в том числе и массового характера), либо – формально находящиеся в правовой плоскости – выработанные военными властями положения и инструкции, призванные усилить контроль над евреями, не допустить их антиправительственных выступлений на стороне противника, а в идеале упразднить или хотя бы минимизировать контакты армии с евреями вообще (даже с теми евреями, которые были подрядчиками или сотрудниками общественных организаций).

В последней главе освещается политическая обстановка в стране в целом и еврейский вопрос (в том числе – в международном аспекте). Автор подробно рассматривает события 1914–1917 гг. и представляет их интер-

претацию современниками. Следует отметить, что факт вопиющего беззакония по отношению к гражданскому населению вызвал негативную реакцию за рубежом, что способствовало увеличению внешнего давления на Россию со стороны союзников по Антанте. Еврейские активисты, мыслители, общественные деятели и уважаемые члены еврейских общин Российской империи и стран Запада, в том числе и США, пытались оказывать влияние на российскую бюрократическую машину [Гольдин 2018, 206]. Одной из уступок власти стала частичная отмена черты оседлости.

В то же время, как справедливо отмечает Гольдин, уже в конце XIX в. евреям пришлось столкнуться с феноменом, вызванным новым типом вражды и ненависти, который уже был достаточно распространен в воюющей с Россией Германии [Lipphardt 2008]. Насилие, затронувшее многие этнические группы как на окраине страны, так и в некоторых внутренних провинциях, особенно отчетливо проявилось по отношению к евреям: представления о необходимости однородного национального государства соединились с биологическим и религиозным антисемитизмом.

Следует признать справедливым и мнение Гольдина о трансформации перед Первой мировой войной антисемитизма XIX в. в России в новый тип. Отметим, что антисемитизм этого нового типа («биологический», указывающий на якобы имеющиеся место особенности еврейского тела), имеет давнюю традицию. Этот феномен связан как с эволюцией средневековых антисемитских представлений, так и с их адаптацией к новой политической и социальной среде [Gilman 1992; Gilman 1993; Rohbacher, Schmidt 1991].

Даже накануне Первой мировой войны вопрос о чуждости хорошо интегрированных в общество немецких и австро-венгерских евреев был открыт для обсуждения [Wildmann 1999, 247]. После столетия аккультурации и ассимиляции крупные сегменты христианского общества воспринимали физические черты и якобы специфические элементы поведения (в том числе использование идиша) как яркие врожденные и неизменные еврейские особенности. И карикатура, и многие произведения европейской литературы того времени представляли наглядное подтверждение антисемитских стереотипов общества [«Wucherpille» 1883; Klamper 1995; Schoeps, Schloer 1995; Wiesemann 2005]².

Так, в книге «Евреи в карикатурах. Вклад в историю культуры» Эдуард Фукс опубликовал в 1925 г. около 300 иллюстраций, в том числе и из пред-

² В разгар процесса еврейской интеграции в Германии и во время консолидации Германской империи антисемитские средства массовой информации выражали большую обеспокоенность будущим новой и, как они полагали, чересчур иудаизированной Германии. Следует отметить, что уже время появления брошюры «Ростовщические пилюли» было периодом трансформации и глубоких общественных изменений в еврейской и европейской истории, такого рода источники дают современному читателю представление об эпохе и показывают зачатки элементов более поздних антисемитских идей.

военной России³. Фукс нашел очень краткий ответ на вопрос о природе и значении этих изображений, который полностью подтверждает выводы, сделанные Гольдиным: антисемитизм – это проявление беспричинной ненависти, с которой евреям приходилось сталкиваться на протяжении своей истории [Fuchs 1925, 100].

В свою очередь, существовало и еврейское предубеждение против российского государственного аппарата и, в частности, военной службы. В книге «Евреи в русской армии 1827–1914 гг.» Йоханан Петровский-Штерн пишет, что «русское предубеждение против еврейского солдата и еврейское предубеждение против армии приводят к одному и тому же результату: в русской литературе складывается парадигма несовместимости еврея и военной службы. Парадигма эта свойственна как юдофильской, так и юдофобской литературе» [Петровский-Штерн 2003, 410].

Однако евреи не могли избежать нееврейского мира. Эти контакты приводили к превращению еврея как части религиозно идентифицируемой группы в объект нового интереса с биологической точки зрения. Еврей стал «другим», обладающим не только иным внешним видом, но и кодексом поведения, который определил его перспективы в российском обществе в период до и во время Первой мировой войны. Семен Гольдин справедливо указывает на трансформацию религиозного антисемитизма в «биологический» среди представителей военных кругов Российской империи и на последствия этого процесса для евреев.

Исследование Гольдина показывает, насколько военным властям было непросто обеспечить управление попавшими под их юрисдикцию территориями, и насколько их собственная политика противоречила гражданским властям на местах и центральному правительству в Петербурге. Оказавшись между молотом войны и наковальней антисемитизма, еврейское население было практически беспомощно в противостоянии с военной машиной империи.

³ Значительная часть этих визуальных материалов относится к XIX в., когда объектами антисемитских нападок становятся также и евреи в военной форме. Так, автор книги «Евреи в карикатурах» Э. Фукс был убежден, что многие известные карикатуры являются антисемитскими по своей природе, относятся к давней традиции, которая возникла в Средневековье и постепенно оформилась в политические антисемитские памфлеты накануне Первой мировой войны. В Российской империи также шли процессы формирования новых видов антисемитизма. Так, одним из наиболее примечательных примеров являются здесь произведения Григория Богрова (1825–1885), которого считают антисемитским писателем еврейского происхождения. Отметим, впрочем, что литературную деятельность Богрова следует рассматривать не только в рамках русской антисемитской литературы, а в более широком контексте современного ему жанра русской сатиры [Петровский-Штерн 2003, 371].

Литература

- Гольдин 2017 – *Гольдин С.* Русская армия и евреи. 1914–1917. М., 2018.
- Петровский-Штерн 2003 – *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии 1827–1914. М., 2003.
- Fuchs 1925 – *Fuchs E.* Die Juden in der Karikatur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte. München, 1925.
- Gilman 1992 – *Gilman S.L.* Rasse, Sexualität und Seuche. Stereotype aus der Innenwelt der westlichen Kultur. Reinbeck bei Hamburg, 1992.
- Gilman 1993 – *Gilman S.L.* Jüdisches Selbsthass. Antisemitismus und die verborgene Sprache der Juden. Frankfurt am Main, 1993.
- Klamper 1995 – Die Macht der Bilder. Antisemitische Vorurteile und Mythen / Hrsg. v. E. Klamper. Jüdisches Museum Wien, 1995.
- Lipphardt 2008 – *Lipphardt V.* Biologie der Juden. Jüdische Wissenschaftler über “Rasse” und Vererbung. 1900–1935. Göttingen, 2008.
- Rohbacher, Schmidt 1991 – *Rohbacher St., Schmidt M.* Judenbilder. Kulturgeschichte antijüdischer Mythen und antisemitischen Vorurteile. Rowohlt's Enzyklopädie. Reinbeck bei Hamburg, 1991.
- Schoeps, Schloer 1995 – Antisemitismus. Vorurteile und Mythen / Hrsg. v. J.H. Schoeps und J. Schloer. München, 1995.
- Segall 1921 – *Segall J.* Die deutschen Juden als Soldaten im Kriege 1914–1918. Berlin, 1921.
- Wiesemann 2005 – *Wiesemann F.* Antijüdischer Nippes und populäre Judenbilder. Die Sammlung Finkelstein. Jüdisches Museum Hohenems, 2005.
- Wildmann 1999 – *Wildmann D.* Der veränderbare Körper. London, 1999.
- «Wucherpille» 1883 – Bilderalbum der Wucherpille. Mainz, 1883.

Goldin S. Russkaia armia i evrei. 1914–1917. Moscow: Gesharim /Mostykultury, 2018. 448 pp.

Elisha Salivon

PhD student, University of Stuttgart (Germany),
 Pardes Institute of Jewish Studies (2017–2018 Jerusalem)
 ID ORCID: 0000-0002-1995-1856
 E-mail: oleksiysalivon@yahoo.de

DOI: 10.31168/2658-3364.2018.1.5.3

References

- Fuchs E. Die Juden in der Karikatur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte. München, 1925.
- Gilman S.L. Rasse, Sexualität und Seuche. Stereotype aus der Innenwelt der westlichen Kultur. Reinbeck bei Hamburg, 1992.
- Gilman S.L. Jüdisches Selbsthass. Antisemitismus und die verborgene Sprache der Juden. Frankfurt am Main, 1993.
- Goldin S. Russkaia armia i evrei. 1914–1917. Moscow, 2018.
- Klamper E., Hrsg. Die Macht der Bilder. Antisemitische Vorurteile und Mythen. Wien, 1995.
- Lipphardt V. Biologie der Juden. Jüdische Wissenschaftler über “Rasse” und Vererbung. 1900–1935. Göttingen, 2008.
- Petrovskiy-Shtern Y. Evrei v ruskoï armii 1827–1914. Moscow, 2003.
- Rohbacher St., Schmidt M. Judenbilder. Kulturgeschichte antijüdischer Mythen und antisemitischen Vorurteile. Rowohlts Enzyklopädie. Reinbeck bei Hamburg, 1991.
- Schoeps J.H., Schloer J., Hrsg. Antisemitismus. Vorurteile und Mythen. München, 1995.
- Segall J. Die deutschen Juden als Soldaten im Kriege 1914–1918. Berlin, 1921.
- Wiesemann F. Antijüdischer Nippes und populäre Judenbilder. Die Sammlung Finkelstein. Essen; Hohenems, 2005.
- Wildmann D. Der veränderbare Körper. London, 1999.